

О.И. Сенковский

Собрание сочинений

**Том 6. История, древности,
этнография**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
О-11

О-11 **О.И. Сенковский**
Собрание сочинений: Том 6. История, древности, этнография / О.И. Сенковский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 634 с.

ISBN 978-5-458-01725-1

ISBN 978-5-458-01725-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КАЗАКИ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИХЪ. ЗАЩИТА АЗОВА.

По поводу *Исторіи Донскаго войска*. В. Броневскаго. 1834 *.

Ничто такъ рѣзко не знаменуетъ степени образованности пишущаго класса въ каждомъ народѣ, и даже степени образованности самого народа, какъ его историческая литература. Изъ всѣхъ предметовъ, въ которыхъ упражняется перо, эта часть самая сложная, самая трудная, и можетъ назваться барометромъ не только учености писателя, но и атмосферы чувствъ и понятій, въ ко-

дѣлу въ истинно - ученоемъ свѣтѣ, гдѣ историческія творенія считаются всегда результатомъ необыкновеннаго трудолюбія, терпѣнія, прилежныхъ изысканій, долгихъ соображеній, обширной учености и тщательно воздѣланной мысли. Тотъ, кто собирается писать какую-нибудь исторію, долженъ сперва посвятить многіе годы совокупленію вокругъ себя всего, что только можетъ просвѣтить умъ его вразсужденіи избраннаго предмета; долженъ сличить всѣ тексты, сблизить всѣ отголоски одного и того же извѣстія, извѣдать всѣ сопряженныя съ нимъ нравственныя и физическія обстоятельства; долженъ преслѣдовать его не только на родной землѣ, но и за ея предѣлами, до послѣдней точки эха, произведеннаго имъ въ бытописаніяхъ рода человѣческаго; долженъ проникнуть во всѣ доступные источники, не пропустить ни одной строки, не увидя ея собственными глазами, и не взвѣсивъ собственнымъ безпристрастіемъ. Первая обязанность въ такомъ случаѣ—знать гдѣ искать; вторая—умѣть искать и находить. Для этого нужна безконечная начитанность. Нѣтъ такого мелкаго историческаго вопроса, который бы не требовалъ соединенія множества книгъ, бумагъ и выписокъ, и долговременнаго обзора его со всѣхъ сторонъ. Если къ чему-либо въ литературѣ впрямъ примѣняется прекрасное изрѣченіе Петра Великаго — «Не отговариваться незнаніемъ однажды обнародованнаго закона», такъ это къ историческимъ трудамъ нашего вѣка: писатель, который не знаетъ того, что уже разъ сказано было по его предмету, и что разъ внесено

въ общій архивъ человѣческихъ знаній, ничѣмъ не извинителенъ. Надобно умѣть искать. Для того, кто пишетъ о человѣкѣ, даже различіе языковъ не есть отговорка: онъ обязанъ знать все, что въ его время извѣстно людямъ объ его вопросѣ. Черезъ себя или черезъ другихъ, онъ долженъ сорвать съ посторонняго свидѣтельства завѣсу незнакомыхъ ему звуковъ, и исчерпать весь свѣтъ, сокрытый въ нѣдрахъ его. Настоящій историкъ въ XIX вѣкѣ знаетъ всѣ языки, на которыхъ есть что-нибудь полезное для его дѣла. Нынѣшнее просвѣщеніе доставляетъ нужныя для этого пособія.

Одинъ Карамзинъ, кажется, постигалъ у насъ въ точности условія и обязанности историческаго приготовленія. Если онъ не вездѣ ихъ исполнилъ, слѣдуетъ приписать это огромности предпріятія, превосходящаго силы одного человѣка; но его сочиненіе удостоверяетъ на всякомъ шагу, что онъ имѣлъ и ясное понятіе о пріемахъ и механизмѣ историческихъ изслѣдованій, и то терпѣливое, любопытное, недовѣрчивое трудолюбіе, которое одно ведетъ къ полезнымъ для исторіи результатамъ. Карамзинъ не пренебрегалъ ни чѣмъ умышленно, и незнаніе какого-нибудь языка не было для него преградою: онъ повѣрялъ свои понятія со всѣми показаніями, и если которыя повѣрилъ недостаточно, то самыя его ошибки служатъ еще сильнѣйшимъ подтвержденіемъ потребности непрерывной повѣрки. Неотъемлемое, неизмѣримое превосходство Карамзина состоитъ именно въ умѣннн сообщити изысканію ту подлинно ученую, образованную форму,

которой никто почти доселѣ не успѣлъ у насъ придать своему произведенію. Послѣ него уже почти никто не желаетъ украсить чело свое мученическимъ вѣнцомъ. ученаго изыскателя, и тщательное историческое приготовленіе не почитается даже необходимостью: исторію пишутъ съ плеча — Карамзинъ за все отвѣчаетъ! Прискорбно видѣть великолѣпный трудъ незабвеннаго мужа расхищаемымъ тѣми, которые должны были дополнять и усовершеншать его своими открытіями, своимъ трудолюбіемъ: почти нѣтъ исторической книги, гдѣ бы цѣлыя страницы Карамзина, цѣлыя главы не являлись въ подлинникѣ или передѣланными на другой ладъ, не говоря уже о тѣхъ, которыя, по скромности, довольствуются простымъ заимствованіемъ изъ него своихъ доказательствъ,—какъ-будто въ исторіи свидѣтельство со второй руки имѣло какое-нибудь значеніе! какъ-будто основной законъ исторической критики не обязывалъ всякаго опираться свои сужденія только на *источники* и на личное удостовѣреніе!

Эти общія мысли о существѣ изысканій и долгѣ изыскателя дѣйствій пропедшаго человѣка могутъ быть полезны въ томъ отношеніи, что напомнятъ молодымъ любителямъ историческихъ занятій объ условіяхъ, требуемыхъ ученымъ свѣтомъ отъ трудовъ того, кто въ нынѣшнее время беретъ въ руки въ Европѣ перо историка. Хорошее университетское ученіе одно въ состояніи раскрыть и показать эти условія въ цѣломъ ихъ пространствѣ. Примѣнять ихъ здѣсь въ особенности къ какому-нибудь сочиненію, уже вышедшему

изъ печати, было бы излишне: взыскивая съ одного за ихъ поправленіе, пришлось бы взыскивать можетъ-быть со всѣхъ. Эти сочиненія такъ уже раздѣлись.

первая эпоха названа имъ «рыцарскою». Признаемъ, что это названіе чрезвычайно насъ удивило, и мы бы никакъ его не поняли, еслибъ самъ авторъ не объяснилъ намъ, что значитъ—*рыцарскій*: оно значитъ «буйный, своевольный, разбойничій». Нельзя не замѣтить, что подобное опредѣленіе рыцарства довольно странно въ устахъ историка, которому должно быть извѣстно, какъ извѣстно всѣмъ историкамъ, что рыцарство было установлено для обузданія разбоевъ, а не для разбойничанія, для охраненія чести женщинъ и безопасности путниковъ, для водворенія порядка помощію частнаго мужества, когда правительственныя мѣры оказались для этого слишкомъ слабыми. Вѣдь рыцарство подчинено было положительнымъ законамъ, имѣло установленные обряды — и строгія правила чести, которыми доселѣ мы руководствуемся, завѣщаны намъ этимъ сословіемъ! Рыцарство было учрежденіе..... Но мы напрасно привязываемся къ словамъ, между-тѣмъ какъ достоинство книги состоитъ въ ея предметѣ: съ авторомъ «Исторіи Донскихъ Казаковъ» о словахъ и спорить невозможно, потому что онъ весьма рѣдко употребляетъ ихъ въ тѣсномъ ихъ значеніи. Положимъ, что эта первая эпоха была «рыцарская», то есть, «буйная»: занимательность ея подъ перомъ г. Броневскаго нисколько не потеряетъ отъ неловкости ея заглавія.

Мы сожалѣемъ, что авторъ не приступилъ прямо къ дѣлу, но счелъ нужнымъ начать свой рассказъ общимъ историческимъ рассужденіемъ, для котораго нужно быть коротко знакомымъ съ безчислен-

ными трудами новейшей критической литературы. Производство Казаковъ отъ Амазонокъ и Сармато-Скивовъ можетъ прельщать однихъ учениковъ или тѣхъ, которые только вчера начали читать исторію, и не требовало опроверженія. Что касается до Саркела и значенія его имени, то автору, кажется, неизвѣстны превосходныя изысканія объ этомъ гг. Френа и Клапрота: онъ еще слѣдуетъ Лербергу, который самъ не понималъ того, объ чемъ толковалъ, принимая слова персидскія за турецкія, и обманывая самого себя дурнымъ ихъ произношеніемъ. Миллеръ вводитъ его въ другое заблужденіе насчетъ смысла и начала имени Казаковъ, и заставляетъ смѣшивать ихъ съ Касогами среднихъ вѣковъ. Мы не думаемъ, чтобы можно было разсуждать о происхожденіи слова *казакъ* безъ пособія ориентализма и его исторической критики. Этотъ вопросъ завелъ бы насъ слишкомъ далеко, и мы ограничимся общимъ замѣчаніемъ. Слово *казакъ* есть собственное имя народа, который мы нынѣ называемъ Киргизами. Кажется, что это поколѣніе, издревле извѣстное въ Азіи отвагою, хищничествомъ и ловкостью всадниковъ, съ давняго времени придало имя свое отрядамъ легкой конницы, употребляемымъ восточными властелинами для разныхъ воинскихъ назначеній, подобно тому какъ народное имя Швейцарцевъ превратилось въ Европѣ въ наименованіе извѣстнаго рода служителей. То вѣрно, что у Монголовъ, завладѣвшихъ Россіею, оно означало, кромѣ Киргизовъ, еще вооруженныхъ всадниковъ, не приписанныхъ ни къ какому улусу, не составляю-

щихъ собственности никакого хана, ни бека, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ — коротко сказать, «вольныхъ» воиновъ изъ разныхъ поколѣній, соединявшихся въ летучіе отряды. Не только монгольскіе ханы и беки, но и русскіе князья часто имѣли въ своей службѣ подобныя отряды. Слова *казакъ* и *вольный* были какъ бы однозначащія, и поэтому первое изъ нихъ, соединяющее въ себѣ притомъ понятіе о воинѣ, такъ нравилось бѣглецамъ изъ Россіи и Литовской Руси, поселявшимся при Днѣпрѣ и Донѣ. Вотъ все, что при нынѣшнемъ состояніи оріентальной исторической критики, можно сказать съ нѣкоторою достовѣрностью о происхожденіи слова *казакъ*: оно, по-видимому, не имѣетъ ничего общаго съ именемъ Касоговъ.

Не должно однакожь думать, чтобы понятіе «казачества» не было извѣстно на Сѣверѣ гораздо прежде слова *казакъ*. Оно, кажется, очень древнее, и въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть названо кореннымъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ, проявлявшимся въ разныя времена подъ различными именами. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать одно сближеніе. Хотя слово *казакъ* есть собственное имя огромнаго народа, но оно очень давно сдѣлалось уже нарицательнымъ, и притомъ имѣетъ правильное производство отъ извѣстнаго корня. Какъ нарицательное, въ восточно-турецкихъ языкахъ оно значитъ—«безпріютный, скитающійся, никому неподвластный, вольный». Баберъ часто употребляетъ въ своемъ джагатайскомъ нарѣчій слова *казаклыкъ*, *казакламакъ* въ этомъ смыслѣ. Какъ

производное, оно происходит отъ *казъ*, гусь, и значить—гусакъ,—«свободный какъ дикій гусь», говорятъ Турки*: нѣкоторые оріенталисты хотѣли вывести его отъ глагола *казмакъ*, «копать», не примѣчая, что, по грамматическому свойству восточно-турецкихъ нарѣчій, оно тогда было бы *казкакъ*, а не *казакъ*. Названіе Черкесовъ, которые сами себя именуютъ Адигами, происходитъ отъ персидскаго слова *серкешъ*, испорченнаго грубыми устами горцевъ, и тоже значить—неподвластный, бунтующій, вольный. Новгородцы, еще до нашествія Монголовъ, славились своею «вольницей». Присовокупите къ тому венгро-славянское *гуса*, *гусаръ*, «свободный всадникъ, бродяга, разбойникъ», происходящее также отъ слова(*гусъ*) гусь, съ его производными—*гусарити*, разбойничать на морѣ, *гусарница*, разбойничья лодка, и т. д.,—и вы получите четыре однозначачія названія, четыре разные перевода одной и той же идеи, и, что примѣчательно, дважды выраженные метафорою, заимствованною отъ одного физическаго предмета. Вотъ почему малороссійскіе и донскіе Казаки назывались попе-

---

* Въ нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчійхъ есть поговорка — *распоряжаться свободно какъ сѣрый (дикій) гусь*. Удивительно, что въ Европѣ славянскіе, а въ Азіи сѣверовосточные народы одинаково соединяли понятіе независимости и свободы съ понятіемъ объ этой птицѣ. Что *гусаръ* значить собственно «гусакъ», въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія: гусь-самецъ называется по-словацки *huser*, по-сербски *hussar*, по-чешски *hauser*, *husak*, по-польски *gensior*, и проч. *Казакъ* по-сие-время означаетъ гусака въ турецко-джагатайскомъ нарѣчій.